

Соціальныя и правовыя послѣдствія русской революціи.*)

Историческія событія имѣютъ то же свойство, что горы: чѣмъ они значительнѣе, тѣмъ на большее разстояніе надо отойти, чтобы объять ихъ взоромъ, чтобы схватить всѣ ихъ контуры. Нужна перспектива для ихъ оцѣнки.

Что пережитая нами революція является міровымъ событіемъ, это чувствуетъ каждый, одаренный хотя бы минимальнымъ историческимъ чутьемъ. Но каковъ смыслъ этого событія? Какъ въ хаосѣ переживаемыхъ нами явленій уловить историческое развитіе? Выявить руководящую идею чрезвычайно трудно даже наиболѣе пристальному современному взору. Тѣмъ труднѣе это для насъ, захваченныхъ этими событіями, смятыхъ ими. Здѣсь поневолѣ являешься субъективнымъ. И казалось бы, историческую оцѣнку надлежитъ оставить будущему историку. Пусть онъ, когда прійдетъ время, проанализируетъ происшедшее, опредѣлитъ его закономѣрность, укажетъ его историческій смыслъ.

Но этого мало для тѣхъ изъ насъ, которые не отказались отъ жизни, которые хотятъ принять участіе въ ея строителствѣ. Чтобы строить, надо знать, на чемъ строить, надо хотя бы для себя осмыслить свершившееся.

Всякая революція есть результатъ несоотвѣтствія существующихъ правовыхъ или соціальныхъ формъ съ дѣйствительнымъ соотношеніемъ силъ. Если формы эти не настолько эластичны, чтобы дать свободный выходъ нарождающимся силамъ, происходитъ взрывъ, который эти формы разрушаетъ. Но всякое разрушеніе несетъ въ себѣ одинъ основной порокъ — оно разрушаетъ не только то, что нужно разрушить, но и захватываетъ въ своемъ разрушеніи нѣчто большее. Всякому разрушенію свойственны эксцессы, всякая революція ломаетъ далеко за предѣлы исторически оправдываемаго.

Чрезвычайно ярко сказалось это на великой французской революціи. На дняхъ Франція чествовала столѣтіе со дня смерти Наполеона. Празднованіе было почти единодушное, и нѣкоторые протесты были направлены не на самое празднованіе, а на его политическую обстановку. Это чествованіе становится особенно понятнымъ, когда подходишь къ французской революціи съ точки зрѣнія законодатель-

*) Речь, произнесенная на Общемъ Съѣздѣ представителей торговли и промышленности въ Парижѣ 21 мая 1921 года.

ства и социального строительства. Съ этой стороны особенно интересна эпоха, которая лежала между революціей и Наполеономъ, такъ называемый *période intermédiaire*. Законодательство этого періода не имѣло равнаго во всемъ мірѣ. Все, казалось, подлежало измѣненію, законодатель не останавливался ни передъ чѣмъ. Религіозный культъ бытъ отмѣненъ, бракъ, семья упряднялись, вводилась неограниченная свобода развода, незаконныя дѣти уравнивались съ законными. Частная собственность, напротивъ, возводилась въ непреложный догматъ, укрѣплялась, какъ никогда до сихъ поръ. По мѣрѣ того какъ жизнь входила въ свою колею, выяснялось, что въ этомъ законодательствѣ *période intermédiaire* было продиктовано исторической необходимостью, а что — лишь излишествами революціи, увлеченіями въ разрушительномъ порывѣ. Наполеонъ съ гениальной прозорливостью уловилъ это, и въ засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта, посвященныхъ обсужденію *Code Civil*, съ яркостью выявляется его историческое чутье. *Code Civil* взялъ отъ революціи, взялъ изъ *période intermédiaire* то, что надлежало взять. И свое историческое значеніе здѣсь Наполеонъ понялъ. „Слава моя, писать онъ на островѣ Св. Елены, не въ томъ, что я выигралъ сорокъ сраженій. Ватерлоо согреть воспоминанье о нихъ. То, что никогда не умретъ, что будетъ жить вѣчно, это мой *Code Civil*, это протоколы Государственнаго Совѣта“.

Послѣ каждой революціи главная задача — отдѣлать неизбежное отъ излишняго, опредѣлить, что было исторически необходимо, составляло ея историческій смыслъ, и что лишь эксцессы разрушительной стихіи.

I.

Мы пережили двѣ революціи: одну мартовскую, политическую, освободившую отъ такъ наз. „царизма“, другую октябрьскую, социальную. Таково наше непосредственное впечатлѣніе, такова и официальная версія. Видимость подтверждаетъ это. Октябрьская революція несетъ всѣ признаки настоящей социальной революціи. И по своимъ лозунгамъ, и по своимъ задачамъ, наконецъ, по своей формѣ это социальная революція. Форма классическая, по Марксу—диктатура пролетаріата.

Въ дѣйствительности, вухъ революцій не было. Была единая революція, разныя фазы, разныя стадіи единого нераздѣльнаго историческаго процесса.

Что паразитъ будущаго испорка — это полное несоответствіе историческаго содержанія происшедшаго съ его виѣшней формой.

Какъ это случилось?

Виѣшнимъ толчкомъ послужилъ военный бунтъ. Многомилліонная масса была сосредоточена въ казармахъ, и въ извѣстный моментъ она взбунтовалась. Событіе довольно ординарное. Но какимъ образомъ этотъ Петроградскій военный бунтъ 28 февраля въ теченіе

нѣсколькихъ дней превращается въ всероссійскую революцію? Волна разливается по всей Россіи, до самыхъ отдаленныхъ уголковъ, захватываетъ города, захватываетъ и деревню. Какъ будто бы какая то пелена спала у всѣхъ съ глазъ, какъ будто бы они прозрѣли, стали понимать то, чего не понимали раньше.

Объясненіе одно: движеніе было движеніемъ крестьянскимъ. Крестьяне въ сѣрыхъ шинеляхъ и матросскихъ курткахъ революцію начали, крестьянская масса ее подхватила и продолжала, при поддержкѣ и сочувствіи интеллигенціи и рабочихъ, при попустительствѣ со стороны остальныхъ слоевъ населенія.

Почему крестьяне явились носителями революціоннаго движенія, это ясно для изслѣдователя русской дѣйствительности, и было ясно еще задолго до революціи. Чтобы понять, надо только подойти къ моменту освобожденія крестьянъ въ 1861 году. Это освобожденіе освободило крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, но оно не дало освобожденія политическаго, не дало гражданскихъ правъ, оно не удовлетворило того тяготѣнія, которое искони жило въ крестьяннѣ, тяготѣнія къ землѣ. Осталась мечта о землѣ, и она приняла тѣ характерныя формы, которыя извѣстны намъ.

Къ исторической розни, порожденной крѣпостнымъ правомъ, присоединилась вражда къ тѣмъ, у кого эта земля была въ рукахъ. Но грань, отдѣлявшая крестьянство отъ прочаго населенія, была шире. „Положеніе о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости“ эту грань не уничтожило, дальнѣйшее развитіе ее укрѣпило и углубило. Положеніе о земскихъ начальникахъ 1887 года было только однимъ изъ проявленій этого углубленія. Крестьянство стояло подъ помѣщичье-бюрократической опекой. Крестьянинъ былъ закабаленъ міру, обществу, обществу, въ свою очередь, подчинено администраціи. Еще глубже было обособленіе крестьянства въ социальномъ правомъ отношеніи. „Крестьянинъ—собственникъ“ не былъ собственникомъ, надѣльная земля не собственность въ нашемъ смыслѣ. Въ ходячѣмъ представленіи это связано съ земельной общиной. Но дѣло не въ одной общинѣ. Фактъ гораздо менѣе извѣстный, что право крестьянъ на землю, даже при подворномъ владѣніи, совсѣмъ другое право, нежели наше право на землю. То понятіе собственности, которое начало образовываться при Петрѣ и окончательно сложилось при Екатеринѣ, собственность Законовъ Гражданскихъ I ч. X т., на крестьянъ не распространилось. И крестьяне это прекрасно сознавали. Въ Новгородской губерніи мнѣ пришлось услышать отъ крестьянина выраженіе: „эта земля у меня на дворянскомъ правѣ“. Выяснилось, что говорить о кучей землѣ, въ отличіе отъ надѣльной, которая „на крестьянскомъ правѣ“. Столыпинская реформа должна была мѣнить положеніе, но результатовъ она дать не успѣла. Крестьяне всей своей жизни жили обособленно. Между ними и прочимъ населеніемъ была роковая черта. По одну сторону крестьяне, по другую — въ этотъ послѣдній разрядъ попадали всякія

братъ мужикъ. Время углубляло черту, углубляло и вражду, вражду ко всему господскому. Почва для взрыва была всегда на готовѣ. Нуженъ былъ лишь толчокъ. И онъ послѣдовалъ.

Но съ перваго же момента движеніе идетъ не по тому руслу, котораго, казалось, можно было ожидать.

Крестьянская масса была политически несознательна, не объединена. Ни организаціи, ни вождей она не имѣла. И движеніе попадетъ въ руки другихъ элементовъ, болѣе сознательныхъ, болѣе подготовленныхъ. Снѣжное по началу, революціонное движеніе было съ восторгомъ встрѣчено интеллигенціей. Это былъ праздникъ на ея улицѣ. Исторически наша интеллигенція воспитывалась всегда, начиная съ 30-хъ годовъ, въ революціи и для революціи. Здѣсь не мѣсто изслѣдовать, чѣмъ это обуславливалось, но фактъ внѣ спора. И эта революціонная интеллигенція вмѣстѣ съ воспитаннымъ ею рабочимъ классомъ берутъ движеніе въ свои руки. Въ первый моментъ лозунги еще соответвуютъ настроенію массъ: „земля и воля“, „миръ и хлѣбъ“. Но тотчасъ же начинается процессъ, получившій характерное обозначеніе „углубленія революціи“. Главный мотивъ этого углубленія — социализмъ. Тотъ, кто знакомъ съ исторіей русской интеллигенціи, знаетъ, почему эта интеллигенція рано уже усвоила себѣ социалистическій идеалъ. Начиная съ наиболее яркаго ея представителя Герцена, русская интеллигенція все болѣе и болѣе пропитывается социализмомъ. Недаромъ у насъ въ Сибири всякаго политическаго ссыльнаго именовали социалистомъ. Рабочій классъ былъ неизбѣжно социалистиченъ, и движеніе, руководимое интеллигенціей и рабочими, естественно становится социалистическимъ. Социализмъ овладѣваетъ умами. Въ мартовскіе дни всѣ становятся социалистами. Человѣкъ, вчера не слышавшій о социализмѣ, открываетъ въ себѣ социалистическую душу. И на сцену выступаютъ новые лозунги. На плакатахъ войскъ, вышедшихъ на улицу 20 Апрѣля, начертано: „долой министровъ капиталистовъ“. Въ его болѣе народной редакціи „долой буржуевъ“ этотъ лозунгъ пріобрѣтаетъ необыкновенную популярность. Въ его рамки прекрасно укладываются всѣ революціонныя настроенія. „Долой буржуевъ“ значитъ для рабочаго — долой фабриканта. Но для крестьянина — буржуи всякій, чьи культурныя привычки и условія жизни не соответвуютъ его, и „долой буржуевъ“ — для него это „долой помѣщиковъ“, „долой чиновниковъ“, вообще долой ненавистныхъ господъ. „Долой буржуевъ“ — для крестьянина захватъ помѣщичьихъ земель, для рабочаго — экспропріація фабрикъ и заводовъ. Революція получаетъ видимость социальной — рѣчь уже идетъ объ уничтоженіи капитализма, о насажденіи социализма. Какъ только появился и былъ подхваченъ этотъ лозунгъ, было сказано то слово, которое неминуемо должно было привести къ Октябрьскимъ днямъ. 25-ое Октября есть логическое и неизбѣжное слѣдствіе 20-го Апрѣля.

Такъ случилось, что въ странѣ, гдѣ три четверти населенія жило мечтою о собственной землѣ, гдѣ настоящій пролетаріатъ едва ли

составлять 5% населенія, произошла социальная революція. Это первый великій историческій парадоксъ, знаменующій собою начало русской революціи.

II.

Къ чему же революція привела?

Я буду говорить не объ экономической сторонѣ. Здѣсь на Съѣздѣ эта тема была рѣзвита чрезвычайно углубленно. Экономисты показали намъ, что коммунистическая система оказалась экономически несостоятельной. Оффициально провозглашенъ возвратъ къ капитализму, для начала, къ государственному. Движеніе какъ будто бы идетъ вспять. Съ экономической точки зрѣнія это такъ, но съ социальной — совсѣмъ не такъ. Три съ половиной года владѣютъ большевики, и эти три съ половиной года оставили глубочайшій слѣдъ на Россіи, произвели полное измѣненіе въ ея социальномъ укладѣ. Радикально измѣнилась вся психика и этого измѣненія ничѣмъ стереть нельзя. Явились новые психологическіе навыки, которые опредѣляютъ будущее развитіе.

Историческая жизнь имѣетъ то же свойство, что природа — какъ ее ни насиловать, она всегда берегъ свое. Сквозь внѣшнія формы социалистической революціи, сквозь диктатуру пролетаріата пробилась основная историческая тенденція. Обособленное ненормальное положеніе крестьянства создало почву для революціи, революція принесла съ собою освобожденіе крестьянства. Земельная революція, захватъ земель есть только часть совершившагося, психологически значительная, но исторически далеко не самая существенная. Гораздо болѣе важнымъ представляется появленіе особаго класса крестьянства. Я сказалъ — появленіе. Это не обмолвка. Крестьянства, какъ класса единого, осознаващаго себя въ качествѣ единого цѣлаго, у насъ не было. А теперь онъ есть. И что онъ есть, въ этомъ долженъ убѣдиться каждый, у кого глаза открыты. Я не знаю въ исторіи деспотіи болѣе послѣдовательной и болѣе могущественной, нежели большевики. Они сильны, необыкновенно сильны своимъ доктринерствомъ, ни предъ чѣмъ не останавливающимся, устранившимъ всякіе задерживающіе моменты. Всякое, даже самое деспотическое правительство задумывалось о благѣ своей страны, о родинѣ. Большевики ни надъ чѣмъ не задумываются. Идеѣ они готовы принести въ жертву все населеніе Россіи и самую Россію. И вотъ эта необыкновенно сильная деспотія отступила, капитулировала предъ крестьянствомъ, отступила потому, что крестьяне противопоставили ей свою крестьянскую сущность и обнаружили такое умѣніе отстаивать свои классовые интересы, какое свойственно лишь настоящему сложившемуся классу. Капитуляція проявилась ярче всего въ новѣйшихъ хозяйственныхъ мѣропріятіяхъ совѣтской власти. Но эта хозяйственная капитуляція есть въ то же время политическая капитуляція, ибо, какъ

правильно было отмѣчено въ одномъ изъ докладовъ, хозяйственныя мѣропріятія большевиковъ — для нихъ средство политической борьбы. Однако, и въ области чисто политической большевики оказались безсильными предъ крестьянствомъ. Въ докладахъ намъ была нарисована картина разрыва города съ деревней. Не только въ хозяйственной области произошелъ этотъ разрывъ. Одинъ нѣмецкій журналистъ недавно изображалъ свои впечатлѣнія отъ Россіи. Онъ рассказываетъ, онъ видѣлъ двѣ Россіи — одну городскую, другую деревенскую. Эта вторая — это самостоятельная держава, ничего общаго съ городомъ не имѣющая, живущая своей жизнью, по своимъ законамъ, иногда ведущая войну съ первой. Проникнуть въ эту деревенскую Россію коммунистамъ не удалось. Крестьяне сами строятъ себѣ жизнь. Политически они пока еще себя не вполне осознали, не осознали своей связи съ государствомъ. Когда это наступитъ, въ этотъ моментъ кончится владычество большевиковъ. Но уже сейчасъ можно категорически утверждать, что крестьянство сложилось въ единый классъ, которому принадлежитъ въ будущей Россіи опредѣляющая роль.

Такъ разрѣшилась историческая дилемма, намѣтившаяся уже давно. По своей социальной структурѣ Россія могла быть только государствомъ либо аграрно-аристократическимъ, либо аграрно-демократическимъ. Сначала историческіе вѣсы склонились изъ сторону помѣстнаго дворянства. Но этотъ классъ не сумѣлъ слить своихъ интересовъ съ интересами общегосударственными, такъ построить государство, чтобы и остальные классы чувствовали себя въ немъ какъ дома. Онъ уходитъ со сцены побѣжденнымъ. Его историческая ставка бита, и какъ будто бы навсегда.

Радикальнѣе, на первый взглядъ, разрѣшила революція вопросъ о буржуазіи. Еще годъ тому назадъ Ленинъ заявилъ, что русская буржуазія уничтожена и съ тѣхъ поръ мы постоянно можемъ читать это въ большевистской печати. Задача, поставленная въ первые дни революціи — долой буржуевъ — какъ будто выполнена. Постараемся разобраться, что такое это уничтоженіе буржуазіи.

Что такое представляла собою эта русская буржуазія? Отбросимъ тѣхъ, кто никогда къ буржуа не принадлежалъ, а былъ причастенъ сюда лишь по своему внѣшнему сходству съ ними, по нѣкоторымъ общимъ внѣшнимъ чертамъ — внѣклассовую интеллигенцію и чиновничество. Первая по вѣсму своимъ историческимъ тенденціямъ, по всему своему настроенію была рѣзко враждебна буржуазіи. Для бюрократіи буржуазные элементы тоже были „они“, управляемые, опекаемые, а отнюдь не свои люди. Если оставить ихъ въ сторонѣ, то остаются два слоя, кои могли быть отнесены къ буржуазіи — помѣстное землевладѣніе и торговпромышленное населеніе. Въ полную противоположность Западной Европы они не только не составляли единого класса, но, напротивъ, были глубоко антагонистичны между собою. Помѣстное дворянство пользовалось

господствующимъ положеніемъ. На него опиралась власть, и оно рѣзко отмежевывалось отъ прочаго населенія, въ томъ числѣ и торгово-промышленнаго. Я сознательно употребилъ слово населеніе. Торгово-промышленнаго класса не было. Были люди, которые торговали, которые занимались промышленностью. Но недостаточно одинаковаго занятія, одинаковой профессіи, чтобы составлять классъ. Нужны другіе признаки. А ихъ не было. Не было ни сознанія единства, ни сознанія своей силы, своей роли въ государствѣ, своей связи съ нимъ. Широкіе слои мелкаго и средняго торговаго и промышленнаго населенія по всей Россіи представляли собой аморфную массу. Крупная торговля и промышленность за послѣднія два десятилѣтія стала занимать въ экономической жизни Россіи все большее мѣсто. Но ея социальная и политическая роль совершенно не соотвѣтствовала ея хозяйственному значенію. Объединиться, потребовать себѣ подобающаго мѣста въ государствѣ представители торговли и промышленности не сумѣли. Они оставались не субъектомъ, а объектомъ власти. Для бюрократіи это были первые изъ управляемыхъ, можетъ быть, наиболѣе интересные, ибо наиболѣе налогоспособные. Вспомните позицію, какую торговля и промышленность заняла въ Государственной Думѣ. Кто тамъ представлялъ ее, защищалъ ея интересы? Отдѣльные представители, попавшіе туда, старались не о томъ, чтобы отстоять интересы своего класса, а о томъ, чтобы скорѣе забыли ихъ принадлежность къ торгово-промышленному классу.

И вотъ, перебирая все то, что мы пережили за послѣднее десятилѣтіе, невольно приходишь къ заключенію: торгово-промышленнаго класса въ Россіи не было. Это звучитъ странно. Но сопоставьте то, что было у насъ, съ тѣмъ, что мы видимъ въ странахъ, гдѣ имѣется настоящая буржуазія. Вспомните I-ое Мая прошлаго года въ Парижѣ. Вспомните, что произошло два мѣсяца тому назадъ въ Англии, когда готовилась забастовка желѣзнодорожныхъ и транспортныхъ рабочихъ, вспомните, какъ къ этому отнеслась буржуазія, какъ она объединилась, какую проявила дисциплину, готовность ко всякаго рода жертвамъ и работѣ. Тамъ она сознавала общность своихъ интересовъ, свои права и необходимость за эти права бороться. То же видѣли мы и въ Италіи во время послѣдней избирательной борьбы. Сопоставьте теперь все это съ тѣмъ, что мы знаемъ о русской буржуазіи: съ женевскимъ соціаль-демократическимъ журналомъ, издаваемымъ на деньги московскаго торговопромышленнаго туза, съ субсидированіемъ тоже именитыми промышленниками, уже въ новѣйшее время, предъ самыми большевиками, органовъ, готовящихъ приходъ этихъ большевиковъ. Вспомните, наконецъ, что есть социалистическая партія, на содержаніе которой по упорному утвержденію идутъ главныя прибыли отъ одной отрасли торговли, и вы увидите, далеко ли отъ истины утверженіе, что класса торгово-промышленнаго у насъ не было. Промышленность у насъ была. И въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленность образцовая, которая сдѣлала бы честь любой странѣ. Была у насъ и торговля. Но не было торгово-промышленнаго класса.

Это надо помнить, когда мы оцѣниваемъ утверждение: буржуазія въ Россіи уничтожена. Какъ классъ, буржуазія не могла быть уничтожена, ибо его не было. Въ великой исторической драмѣ побѣжденнымъ былъ не торгово-промышленный классъ. Не въ его рукахъ была государственная власть, не у него она была отнята. Не его увлекло въ своемъ паденія старое государство.

У насъ не было торгово-промышленнаго класса, но была промышленность, была торговля, были торговцы и промышленники — элементы для созданія этого класса. По этимъ то элементамъ и ударила революція. Уничтожила ли она ихъ?

Основы, субстратъ буржуазіи — торговля и промышленность. Изъ представленныхъ вамъ докладовъ вы видѣли, что сдѣлали съ ними большевики. Торговля исчезла, промышленность замираетъ. Означаетъ ли это полное уничтоженіе ихъ, разрушеніе самихъ основъ, которое дѣлаетъ невозможнымъ возрожденіе, или это только прекращеніе функционированія въ силу виѣшнихъ препятствій — устраните препятствія и опять оживетъ торговля и промышленность?

Поставить этотъ вопросъ значитъ уже отвѣтить на него. Торговля прекратилась. Но она прекратилась въ силу запрета, поддерживаемого угрозой разстрѣла. Достаточно на дняхъ было хотя бы частично отмѣнить запретъ, чтобы торговля возобновилась со стихійной силой. Правда, торговый аппаратъ разрушенъ. Но осталось то, что гораздо существеннѣе, — торговые навыки, исторически сложившееся умѣніе организовать торговлю. Будетъ чѣмъ торговать, будетъ и торговля, возстановится весь торговый аппаратъ.

Сложнѣе дѣло съ промышленностью. Тутъ на линію матеріальный субстратъ, который можно разрушить и безъ котораго возстановленіе промышленности будетъ невозможно — зданія, машины, кадры обученныхъ рабочихъ. Нельзя отрицать: — каждый день большевистскаго хозяйничанья приближаетъ насъ здѣсь къ полному разрушенію. И теоретически можно представить себѣ, что этотъ процессъ разрушенія дойдетъ до точки, когда уже нѣтъ возврата. Реально я этого не мыслю. До сихъ поръ большевики жили остатками капиталистическаго наслѣдія. Эти остатки проѣдены или проѣдаются. Если возстановить производство имъ не удастся, образуется хозяйственная пустота, въ которой они задохнутся. И это послѣдуетъ раньше, нежели наступитъ полное разрушеніе матеріальныхъ субстратовъ промышленности. Другой вопросъ, удастся ли имъ возстановитъ промышленность. Это уже вопросъ, выходящій за предѣлы изслѣдованія, вопросъ вѣрованія, предсказанія. Я лично не вѣрую въ это. Чтобы возстановитъ промышленность, коммунисты должны измѣнить всю свою хозяйственную политику, вѣрнѣе говоря, должны разорвать связь между хозяйствомъ и политикой, руководствоваться въ организаціи хозяйства исключительно экономическими, а не политическими соображеніями. А этого они не смогутъ или . . . они перестанутъ быть коммунистами.

Больше ударила революція по людському елементу, по підприємця. Никогда еще в исторіи значеніе підприємця в процесі виробництва не было продемонстровано столь ярко, как на событіях послѣднихъ лѣтъ в Россіи. Классическая политическая экономія высоко расцѣнивала это значеніе. Подъ вліяніемъ социализма его пытались умалить. Теперь в Россіи былъ данъ экспериментальный урокъ хозяйствованія безъ підприємця. Результатъ — обращеніе авторовъ урока къ помощи иностранныхъ підприємцевъ.

На підприємця-промышленника революція обрушилась прежде всего. Часть ихъ была физически изъята — уничтожены, погибли. Часть выброшена сюда, за рубежъ. Нѣкоторые остались на мѣстахъ, но в условіяхъ, в которыхъ не то, что работать надъ возстановленіемъ промышленности, но и существовать становится все труднѣе. И встаетъ роковой вопросъ — сохранится ли этотъ необходимый элементъ воссозданія промышленности, людской элементъ. Вопросъ, отвѣтъ на который в значительной мѣрѣ зависитъ отъ насъ. Мы остались носителями, хранителями русской экономической культуры, какъ вообще на долю русской эмиграціи выпало хранить русскую культуру. Наши братья, гибнущіе тамъ, безсильны. Обязанность лежитъ на насъ. И есть одинъ моментъ, который даетъ увѣренность в будущемъ. И здѣсь и тамъ одинаковыя явленія, говорящія, что среди развалинъ русской промышленности рождается русская буржуазія. Нарастаетъ чувство взаимной связи, выковывается государственное сознаніе, сознаніе своей связи съ государствомъ, своихъ обязанностей предъ нимъ, но и своихъ правъ, а главное создается готовность, рѣшимость къ борьбѣ за эти права. Мы наблюдаемъ, ощущаемъ это здѣсь, и особенно ярко эти дни, на Съѣздѣ. Но еще интереснѣе эти явленія, тамъ по ту сторону рубежа. Всякій чуткій человекъ ощущаетъ народженіе того же самого настроенія и тамъ. И оно захватываетъ не только старые элементы торгово-промышленнаго населенія. Кругъ лицъ, у которыхъ вырабатывается инстинктъ собственности, которыя начинаютъ осознать свое мѣсто и положеніе в государствѣ именно какъ собственниковъ, расширяется, пополняется. Пусть это отчасти пока элементы, морально мало желательные. Они то особенно цѣпко будутъ держаться и особенно энергично бороться за вновь приобретенную собственность, за свое участіе в государственной власти ради охраны этой собственности. Такъ в Россіи создается буржуазія, не скажу новая, ибо не было старой.

Если революція довела до окончанія процессъ народженія русской буржуазіи, то, думается мнѣ, и рабочему классу она дала великій историческій урокъ. Не только экономической, показавъ ему воочию, что вся его судьба связана съ расцвѣтомъ промышленности, что безъ крѣпкой, самостоятельной промышленности невозможно не только благосостояніе рабочаго класса, но самое его существованіе. Ре-

волюція дала ему и урокъ государственности. У насъ всё слои населенія жили внѣ и безъ государственнаго сознанія. Но рабочій былъ антигосударственнымъ по принципу. Онъ не только не сознавалъ своей связи съ государствомъ, онъ былъ убѣжденъ, что его интересы противоположны государственнымъ, что они въ интернаціональ. Если чутье не обманывалось, и въ этомъ отношеніи произошла сдвигъ. Повидимому у рабочихъ пробуждается національное чувство, является сознаніе Россіи, пониманіе, что устройство и благосостояніе Россіи нужно для ихъ собственнаго благосостоянія.

Я не буду говорить о массѣ государственныхъ служащихъ, занятыхъ нынѣ въ большевистскихъ бюрократическихъ учрежденіяхъ. Это техническій аппаратъ, который сейчасъ съ болью въ сердцѣ служить, по вполнѣ понятнымъ причинамъ, большевикамъ, но который тянется къ другому, ибо съ этимъ другимъ онъ связанъ всеми своими культурными связями. Большевистская дѣйствительность этой культуры ему не даетъ.

Позвольте сказать два слова объ интеллигенціи. Для нея революція была суднымъ днемъ. Съ самого зарожденія своего эта интеллигенція революціонна. Революція была ея религіей, социализмъ символомъ вѣры. Наконецъ, она дождалась и того, и другого, получила чего хотѣла, и могла произвести провѣрку своихъ вѣрованій. Надо ли говорить о результатахъ этой провѣрки? Интеллигенція наша была антинаціональна. Вспомните, какъ звучало для насъ слово патріотъ, какое содержаніе вложилъ въ него Щедринъ. Интеллигенція была антигосударственна. Когда въ 1908 году одинъ изъ крупнѣйшихъ представителей русской интеллигенціи выставилъ лозунгъ „Великой Россіи“, что только не посыпалось на него со всѣхъ сторонъ! А теперь я думаю лозунгъ „Великой Россіи“ — это лозунгъ изъ души и сердца каждаго интеллигента. Огучилась интеллигенція и отъ полупрезрительнаго отношенія къ буржуазіи, даже къ самому зачатію торговлей и промышленностью, которое было ей свойственно. Ниши интеллигенція, въ отличіе отъ западно-европейской, была внѣклассовой. Врядъ ли она таковой останется.

Такъ антибуржуазная, социалистическая революція, направленная на уничтоженіе классоваго государства, привела къ выявленію классоваго самосознанія, къ образованію настоящихъ классовъ. Это второй великій историческій парадоксъ русской революціи.

III.

Какіе историческіе уроки можно извлечь изъ того, что произошло?

Первое, что безспорно обнаружила русская революція, это невозможность диктатуры одного какого либо класса. Самая идея диктатуры пролетаріата безнадежно провалилась въ Россіи. Большевики сами съ большою наглядностью продемонстрировали это. Вначалѣ,

какъ надлежитъ по диктатурѣ пролетаріата, власть передается „совѣтамъ рабочихъ депутатовъ“. Особенности момента обусловили прибавку „и солдатскихъ.“ Отступленіе отъ идеи классовой диктатуры пока легкое, мало замѣтное. Но вскорѣ это замѣняется уже „совѣтами рабочихъ и крестьянскихъ депутатовъ“ Это уже совсѣмъ не мирилось съ диктатурой пролетаріата. Даже съ натяжкой подвести нашего крестьянина подъ пролетаріатъ нельзя было. А затѣмъ пошла „ставка на средняка“ и, наконецъ, провозглашенный Ленинымъ договоръ съ крестьянами. Нечего и говорить, что идея договора между двумя классами совершенно отрицаетъ идею диктатуры — Ни одинъ классъ въ Россіи такой диктатуры создать не сможетъ. Русское государство будетъ государствомъ надклассовымъ, которое должно будетъ сумѣть примирить интересы всѣхъ классовъ.

На авансцену выступилъ крестьянскій классъ. Съ нимъ, прежде всего, должна будетъ считаться государственная власть. Примѣръ большевиковъ, ихъ капитуляція предъ крестьянами явное доказательство тому. Крестьянство явится въ будущемъ государственнымъ строительствомъ Россіи опредѣляющей силой. Безъ него, тѣмъ болѣе, противъ него не сможетъ править ни одно правительство. Сила его тѣмъ значительнѣе, что пока онъ являетъ собою единую недифференцированную массу. Ленинъ въ одной изъ рѣчей указалъ, что произошло усиленіе средняка. Фактическія данныя, имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи, не подтверждаютъ этого вывода. Послѣдовало не усиленіе средняка, а пониженіе общаго уровня съ развеніемъ на середину. Можно предвидѣть, что съ восстановленіемъ нормального экономическаго положенія, установленіемъ свободы оборота, произойдетъ расколъ крестьянства. Но это вопросъ будущаго. Въ настоящемъ мы имѣемъ предъ собою единый классъ.

Что же нужно этому крестьянскому классу?

Основной мотивъ здѣсь ясенъ. Онъ тотъ же, что и во французской революціи: закрѣпленіе пріобретенной революціи. Но аналогія идетъ дальше. Въ разгарѣ французской революціи былъ изданъ законъ, воспринятый въ Code rural 1792 года, устанавливавшій смертную казнь за призывъ (одинъ призывъ!) къ отчужденію собственности. Такъ народившійся крестьянинъ собственникъ старался закрѣпить за собою свою землю, и Наполеонъ это настроеніе понялъ. Собственность Code civil есть именно та собственность, которая нужна была земельному собственнику — полная, абсолютная, неограниченная. Закрѣпленіе произошедшей земельной революціи — это то, что прежде всего требуется нашему крестьянину. Боязнь поворота здѣсь главный психологическій мотивъ, который еще связываетъ крестьянство съ большевистскимъ режимомъ. За крестьянствомъ должно быть безповоротно признано то, что фактически попало въ его руки. Это исторически неизбѣжно. Исторіи не повернешь. Для бывшихъ земельныхъ собственниковъ, лишившихся своихъ земель, остается одно право на вознагражденіе. Государство, и именно по государ-

ственнымъ соображеніямъ, должно будетъ вознаграждать ихъ. Правовое укрѣпленіе — „синяя бумага съ круглой печатью“, какъ претворяется это въ представленіи крестьянина, — землеустройство — вотъ первая очередная задача. И право ихъ на землю должно быть правомъ полной индивидуальной собственности. Это поняли и большевики, ибо они не настолько наивны, чтобы не понимать, что закрѣпленіе на 9 лѣтъ есть закрѣпленіе въ собственность. Всѣ ограниченія въ правѣ распоряженія должны быть отменены. Они неприемлемы для настоящаго крестьянина собственника, они вредны и экономически: Россія сможетъ прокормиться, лишь если земля будетъ въ рукахъ хозяйственно сильныхъ.

Такимъ образомъ впервые у насъ для крестьянина будетъ создано настоящее субъективное право. По моему глубокому убѣжденію, отсутствіе субъективныхъ правъ, которые человекъ сознаетъ и на защиту которыхъ онъ готовъ выступить, было однимъ изъ самыхъ роковыхъ чертъ нашего социальнаго строя. Оно лишило его той социальной устойчивости, которая вообще свойственна странамъ съ преобладающимъ крестьянскимъ населеніемъ, и которая съ такой силой проявилась нынѣ во Франціи.

И въ сферѣ публично-правовой за крестьяниномъ должны быть обезпечены субъективныя права. Его нельзя будетъ отстранить отъ самого активнаго участія въ государственной жизни. Россія должна быть и будетъ правовымъ государствомъ. А такъ какъ опираться это государство будетъ на широкія массы населенія, то оно будетъ и демократическимъ. Происшедшія событія неизбежно ведутъ Россію къ правовому демократическому строю. Какія бы ни были политическія колебанія, приливы и отливы при возвращеніи взбаламученной русской государственной жизни въ нормальное русло, закрѣпится лишь тотъ строй, въ рамкахъ котораго выросшій и осознавшій себя крестьянскій классъ найдетъ подбагающее его значенію мѣсто.

Но, можетъ быть, возможно исключительное господство одного крестьянскаго класса? Можетъ быть, Россія превратится въ чисто аграрное государство, въ которомъ значеніе остальныхъ слоевъ населенія будетъ столь ничтожнымъ, что и политически никакой роли они играть не будутъ?

Вопросъ этотъ особенно болѣзненно встаетъ, когда читаешь нѣкоторые наши доклады. Вырисовывается картина совершеннаго вымирания города. Города пустуютъ. Часть населенія погибла, часть разбѣжалась. Количество населенія упало въ нѣкоторыхъ городахъ на 50 и больше процентовъ, всюду на десятки процентовъ. Кажется, еще годъ-другой, и городъ совершенно вымретъ, исчезнетъ городская культура и наступитъ опять времена господства натурального хозяйства. Воображеніе рисуетъ знакомыя картины времени паденія Западно-Римской Имперіи.

Я не вѣрю въ эту возможность превращенія Россіи въ страну натурального хозяйства. Въ Западно-Римской Имперіи это могло

случиться потому, что пришли варвары, носители натурально-хозяйственного строя, который смель старую культуру. У насъ положеніе иное. Все наше историческое развитіе, наша вѣковая торговля и наша промышленность создали почву, на которой этотъ возвратъ къ натуральному хозяйству немислимъ. Какъ нельзя по произволу превратить натурально-хозяйственную страну въ промышленно-капиталистическую, такъ нельзя и обратно. Вы не уничтожите навыковъ производственныхъ, но и навыковъ потребительскихъ. Крестьянинъ сейчасъ одѣвается въ самотканку, въ лапти, жжетъ лучину. Но это по нуждѣ. Дайте товаръ — и его раскупятъ, ибо потребности живы. Бросятъ сохи, когда будутъ плуги, возьмутъ и сельско-хозяйственныя машины и тракторы, ибо психика уже не натурально-хозяйственная. Торговля возсоздастся, какъ только явится товаръ. Самое положеніе Россіи въ міровомъ хозяйствѣ таково, что о возвратѣ ея къ натуральному хозяйству не можетъ быть и рѣчи. Прийдутъ, чтобы дать товаръ, прийдутъ, чтобы взять сырье. Но будетъ не только торговля, будетъ и промышленность. Естественныя условія Россіи, ея природныя богатства не таковы, чтобы въ современномъ міровомъ оборотѣ они были оставлены втунѣ. И производственные наши навыки столь велики, что какъ только уничтожить препятствія, искусственно созданныя большевистской властью, начнетъ возрождаться промышленность.

Кто же будетъ носителемъ этой возрожденной торговли и промышленности?

Большевики даютъ на это свой отвѣтъ. Они утверждаютъ: Россія должна быть промышленною страной, но носителемъ этой промышленности явится государство. И идея эта находитъ широкое распространеніе за рубежомъ. въ слояхъ не-большевистскихъ, въ кругахъ, къ которымъ тяготеютъ нѣкоторые изъ насъ. Передо мною Пражская „Воля Россіи“ отъ 2-го Апрѣля с. г. Вотъ, что мы тамъ находимъ въ статьѣ „Объ экономической политикѣ демократической Россіи“: „Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ значительнымъ утвержденіемъ на развалинахъ русскаго экономического процесса начала государственной или общественной собственности на орудія производства. Это начало имѣетъ всѣ данныя и всѣ возможности въ дальнѣйшемъ развиваться и существовать параллельно съ частной собственностью, съ частной инициативой и съ дѣятельностью частнаго капитала въ государствѣ.“ Передъ нами идея „государственнаго капитализма“, та же идея, которую, въ качествѣ новой формулы, новаго рецепта, провозгласилъ теперь Ленинъ, и эта идея проповѣдуется въ органѣ партіи, которая, для многихъ, есть правящая партія завтрашняго дня. Въ сущности, этотъ государственный капитализмъ недалеко ушелъ отъ прочныхъ коммунистическихъ опытовъ, провалившихся въ ихъ же собственныхъ глазахъ. Онъ повторяетъ всѣ ихъ пороки, и, прежде всего, первородный грѣхъ — отсутствіе частной инициативы. Возстановить разрушенное хозяй-

ство безъ того величайшаго напряженія силъ, которое можетъ быть дано лишь частной инициативой, невозможно. Безъ живой души, безъ предпринимателя, русской промышленности не будетъ.

И это поняли большевики. И они хотятъ возродить промышленность частную. Но въ качествѣ частнаго субъекта этой промышленности они выдвигаютъ иностранцевъ. Имъ будутъ даны концессіи. Мотивъ совершенно ясенъ. Русскіе промышленники требуютъ участія въ политической власти, иностранцы въ государственную жизнь мѣшаться не будутъ. Возможно ли такое возрожденіе русской промышленности руками иностранныхъ концессионеровъ?

Поскольку дѣло идетъ объ отдѣльныхъ концессіяхъ, отвѣтъ ясенъ всякому. Такія частно-капиталистическія заплата на разваливающемся коммунистическомъ хозяйствѣ осуждены на безнадежный провалъ. Не можетъ существовать отдѣльный промышленный оазисъ въ экономической пустынѣ. Если транспортъ, денежная система, финансы, вообще хозяйственная жизнь страны разваливаются во славу коммунистическихъ принциповъ, то не могутъ процвѣтать отдѣльныя отрасли промышленности, хотя бы отданныя въ руки иностранцевъ. Теоретически мыслима была бы такая схема: все производство передано иностранцамъ, въ ихъ рукахъ пути сообщенія, все народное хозяйство, у большевиковъ только политическая власть. Объ утопичности ея нечего и распространяться. Иностранный капитализмъ въ коммунистической Россіи — явный абсурдъ. Капитализмъ и большевики несовмѣстимы. Капитализмъ возродится, когда падетъ большевизмъ. Тогда только встанетъ проблема, кому возродитъ русскую промышленность, въ чьи руки должны быть переданы орудія производства. И тутъ острова вопроса не въ томъ, иностранцы или мы. Иностранный капиталъ придетъ въ Россію, но придетъ не безъ насъ, а съ нами и чрезъ насъ. Не только потому, что мы Россіи не отдадимъ, а потому, что безъ русскихъ предпринимателей иностранный капиталъ не обойдется, безъ русскихъ промышленниковъ русской промышленности не возродитъ. Орудія производства вернутся къ намъ. Но кто это мы? Прежніе ли собственники, или тотъ, кто эти орудія производства успѣетъ захватить? Въ цитированной выше статьѣ „Воли Россіи“ вопросъ разрѣшается категорически въ послѣднемъ смыслѣ. „Я предвижу“, говоритъ, однако, далѣе авторъ, „возраженія съ точки зрѣнія вопроса о справедливости — почему должны быть разорены лишь прежніе собственники предприятий и должны остаться въ силѣ и неприкосновенности средства новой буржуазіи въ Россіи, составившейся изъ вороватыхъ комиссаровъ, наиболѣе наглыхъ и отважныхъ спекулянтовъ, прежнихъ мѣщанинъ и т. п. Отдаю должное всей значительности силы этихъ замѣчаній, но считаю, что въ томъ положеніи, въ которомъ существуетъ русское хозяйство въ настоящее время, исключительную силу доказатель-

ности должно имѣть „соображеніе о возстановленіи производственнаго процесса“.

Останемся на почвѣ соображеній о возстановленіи производственнаго процесса. Я спрашиваю, въ чьихъ рукахъ производственный процессъ обѣщаетъ болѣе быстрое и вѣрное возрожденіе — въ рукахъ „вороватыхъ комиссаровъ, наглыхъ спекулянтовъ, бывшихъ мѣщаниковъ“, или прежнихъ создателей и руководителей предпріятій. Съ этой точки зрѣнія всѣ права на сторонѣ прежнихъ собственниковъ. У нихъ опытъ, у нихъ умѣніе.

Но въ этомъ рѣшеніи есть другая, болѣе тяжелая, моральная сторона. Я слышу вопросъ: о помѣщичьихъ земляхъ вы говорите, что онѣ должны остаться у крестьянъ; а по отношенію къ своимъ фабрикамъ и заводамъ вы требуете ихъ возвращенія. Не потому ли это, что отъ чужого отказываться легче? Не послѣдовательнѣе ли и честнѣе сказать, что все должно остаться въ рукахъ захватившихъ.

Въ исторіи гражданскаго права есть одна очень любопытная страница. Когда впервые была осознана необходимость принудительнаго отчужденія и созданы относящіяся сюда нормы, со стороны собственниковъ поднялся крикъ: принудительное отчужденіе противорѣчитъ самому принципу частной собственности, нарушаетъ ея неприкосновенность. Философы разъяснили ошибку, доказали, что никакого противорѣчія здѣсь нѣтъ. Частная собственность существуетъ благодаря обществу и неприкосновенна до тѣхъ поръ, пока отдѣльныя ея проявленія не противорѣчатъ интересамъ этого общества. Границы частной собственности въ общемъ благѣ. И всѣ безъ исключенія законодательства, даже тѣ, въ которыхъ абсолютный, неограниченный характеръ частной собственности утверждены наиболѣе ярко, наиболѣе полно, знаютъ нынѣ рядомъ съ этимъ институтъ принудительнаго отчужденія. Въ тотъ моментъ, когда обще-государственные интересы требуютъ того, принципъ частной собственности долженъ уступить. Весь ходъ развитія, цѣлый историческій процессъ привелъ къ захвату крестьянами помѣщичьихъ земель. Пытаться повернуть это — значитъ производить новую ломку, новую земельную революцію, на этотъ разъ антикрестьянскую, вызывать новыя потрясенія. Историческая необходимость требуетъ признанія совершившагося.

Развѣ мы можемъ сказать то же самое про заводы и фабрики? Развѣ государственное благо или историческая необходимость требуютъ, чтобы они были отняты отъ прежнихъ собственниковъ и переданы новымъ лицамъ? Не только государственные интересы не требуютъ этого, но, болѣе того, принципъ правовой здѣсь совпадаетъ съ принципомъ экономической и соціальной целесообразности. Того историческаго оправданія нарушенія права, какъ въ земельномъ вопросѣ, здѣсь нѣтъ.

Собственность неприкосновенна, поскольку государственный интерес не требует отчужденія въ законѣ предусмотрѣнныхъ формахъ, — вотъ принципъ, который нынѣ для крестьянъ столь же важенъ, сколь и для торгово-промышленнаго класса. Защита частной собственности, безъ которой невозможно возрожденіе Россіи, пунктъ, гдѣ интересы крестьянства и городской буржуазіи всецѣло совпадаютъ. Но общій ихъ фронтъ гораздо шире. Въ сущности, вся линія политическаго фронта у нихъ общая.

Позвольте на минуту остановить ваше вниманіе на томъ политическомъ сдвигѣ, который обнаруживается повсемѣстно въ Европѣ. Старыя партійныя группировки рушатся. Намѣчается новая демаркаціонная линія. По одну ея сторону — всѣ, кто хочетъ строить, не отрываясь отъ исторически сложившихся условій, кто хочетъ идти впередъ, не отказываясь отъ накопленной вѣками культуры, кто думаетъ, что нужно совершенствовать старое, а не ломать его. По другую — люди, вѣрящіе въ насильственное переустройство человѣчества по готовому рецепту. Группа мудрецовъ, носителей рецепта счастья, съ помощью диктатуры осчастливить людей. Идея правового государства, идея демократіи, которая, казалось, вошла въ необходимый обиходъ европейской культуры, ими отброшены. Новая демаркаціонная линія не совпадаетъ съ противоположеніемъ буржуазныхъ партій, стоящихъ на принципѣ частной собственности, и партій социалистическихъ. По одну и ту же сторону, вмѣстѣ съ земельной и городской буржуазіей, оказалась и часть рабочей партіи, въ главныхъ государствахъ Европы, большинство ея, та часть, которая заслужила отъ Чичерина наименованіе буржуазной социаль-демократіи.

На какую сторону станетъ русскій рабочій классъ? Пережитый опытъ, думается мнѣ, не располагаетъ русскихъ рабочихъ къ рецептамъ быстро переустройства человѣчества. Въ методы коммунизма они утратили вѣру. Полученный Россіей историческій урокъ не можетъ пройти для нея даромъ. Чужой опытъ не учить. Но испытавъ на себѣ всѣ ужасы социального знахарства, Россія, можетъ быть, ближе къ выздоровленію, чѣмъ кто либо. И, можетъ быть, русскій рабочій классъ дастъ примѣръ участія въ здоровомъ государственномъ и социальномъ строительствѣ. Тогда создастся почва для дружной работы его и съ крестьянами, и съ торгово-промышленнымъ классомъ.

Наша роль въ этомъ строительствѣ ясна. Для всякой государственной работы нужны два элемента: сознаніе и воля. Сознаніе у насъ сложилось. Сознаніе нашего единства, сознаніе нашей связи съ государствомъ, своихъ правъ, но и своихъ обязанностей предъ нимъ. Нужна лишь воля. Въ этомъ мы всегда болѣе всего страдали. Надо эту волю выковать, надо научиться быть сильными.

Сознаемъ себя сильными. и мы будемъ сильны.

В. Ельяшевичъ.